

RU

Демонологическая лексика в осетинском языке

Таказов Ф. М.

Аннотация. В статье рассматривается перечень лексических единиц в осетинском языке, которые отражают имена демонологических персонажей. Цель исследования – выявить семантику демонологической лексики как в мифологических текстах, так и в речевых конструкциях. Научная новизна представленной работы заключается в том, что впервые определены стилистические особенности и функции демонологической лексики в обиходной речи осетинского языка, в создании метафор и фразеологических оборотов. В результате исследования было установлено, что использование демонологической лексики в речевых конструкциях часто имеет глубокие символические и метафорические значения, значительно обогащая текст и делая его более эмоционально насыщенным. Зачастую характеристика демонологического образа переносится на субъект речевого акта. В ходе исследования было установлено, что осознание значения метафор, образуемых с помощью демонологической лексики, всегда происходит за счет знания и производителем, и субъектом речевого акта соответствующих демонологических образов.

EN

Demonological vocabulary in the Ossetian language

F. M. Takazov

Abstract. The article considers a list of lexical units in Ossetian language, which reflect names of demonological characters. The aim of the study is to identify semantics of demonological lexicon, both in mythological texts and in speech constructions. The scientific novelty of the presented work is that for the first time stylistic features and functions of the demonological vocabulary in everyday speech of the Ossetian language, in creation of metaphors and phraseological turns were defined. The study found that the use of demonological vocabulary in speech constructions often has deep symbolic and metaphorical meanings, greatly enriching the text and making it more emotionally rich. Often the characteristic of the demonological image is transferred to the subject of the speech act. In the course of the study, it was found that the awareness of the meaning of a metaphor, formed by means of a demonological lexicon, always occurs at the expense of knowledge and the producer and subject of speech act of corresponding demonological images.

Введение

Актуальность научного исследования демонологической лексики осетинского языка заключается в ее способности сохранять культурную идентичность, выявлять языковые особенности и способствовать междисциплинарным исследованиям. В условиях современного мира, где культурное разнообразие сталкивается с угрозами унификации, изучение таких аспектов, как демонологическая лексика, становится не только актуальным, но и необходимым для понимания и сохранения богатства культурного наследия осетинского народа. Демонологическая лексика осетинского языка также представляет интерес с точки зрения лексикографии и языкознания. Она может быть проанализирована в части словообразования, семантики и фонетики. Исследования демонологических терминов могут выявить особенности осетинского языка, его связи с другими кавказскими и индоевропейскими языками, а также продемонстрировать, как язык отражает мировосприятие народа. Например, исследование словообразовательных моделей может помочь в понимании того, как осетины воспринимают и классифицируют сверхъестественные явления.

Демонологическая лексика, представляющая собой совокупность слов и выражений, связанных с представлениями о демонах, духах и сверхъестественных существах, является важной частью культурного и языкового наследия любого народа. В осетинском языке, как и в других языках Кавказа, демонологическая лексика отражает религиозно-мифологические воззрения и традиции осетинского народа. Изучение демонологической лексики осетинского языка открывает, кроме того, возможности для междисциплинарных исследований,

объединяющих языкознание, антропологию, фольклористику и культурологию. Анализ демонологических представлений может дать понимание социокультурных изменений, происходящих в осетинском обществе, а также влияния глобальных процессов на локальные традиции. В этом контексте демонологическая лексика может служить индикатором изменений в мировоззрении осетин, отражая их адаптацию к современным условиям. В современном мире, где культурное разнообразие сталкивается с угрозами унификации, изучение таких аспектов, как демонологическая лексика, становится не только актуальным, но и необходимым для понимания и сохранения богатства, как языка, так и культурного наследия осетинского народа.

В рамках исследования были решены следующие задачи:

- собрана и классифицирована демонологическая лексика, включая термины, фразы и идиомы, связанные с сакральными персонажами и сверхъестественными существами низшей мифологии в традиционной культуре осетин;
- проведен лексикографический анализ демонологической лексики;
- исследован контекст использования демонологической лексики как в мифологии, так и в обиходной речи осетин.

При решении указанных задач были применены следующие методы:

- лексикографический метод – для определения семантики использованных в языке демонологических терминов;
- историко-этимологический метод – для анализа исторических изменений в значении и употреблении демонологических терминов;
- сравнительный анализ – для сравнения демонологической лексики осетинского языка с аналогичными терминами в других кавказских языках, имеющих схожие мифологические традиции.

Материалом для исследования послужили мифологические тексты и пословицы из осетинского фольклора и литературы:

- Гурджибети Б. М. Сборник произведений. Орджоникидзе: СОКИ, 1966.
- Дигорон адæмон уадзæндзурдтæ / Дзагурти Губадий æнбурдгондæй (Осетинские (дигорские) народные изречения / из собрания Г. А. Дзагурова). Изд-е 2-е, испр. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2011.
- Ирон æмбисæндтæ / чиныг сарæзта Гуытыаты Хъазбек (Осетинские пословицы и поговорки / сост. К. Ц. Гутиев). Орджоникидзе: Ир, 1976.
- Ирон адæмон сфæлдыстад / чиныг сарæзта Салагаты Зоя (Осетинское народное творчество: в 2 т. / сост. З. М. Салагаева). Владикавказ: Ир, 2007. Т. 2.
- Книга для чтения на дигорском наречии для 2 уровня обучения. Дзауджикау, 1933.
- Нартовские сказания: эпос осетинского народа: в 6 кн. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2005. Кн. 3.
- Рассказы о чертах / сост.: Х. В. Дзуцев, З. В. Канукова и др. Изд-е 2-е, доп. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2011.

В качестве справочного материала были задействованы следующие словари:

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. М. – Л.: Академия наук СССР, 1958. Т. 1.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. Л.: Наука, 1989. Т. 4.
- Таказов Ф. М. Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь. Владикавказ, 2015.

Теоретическую базу исследования составили труды ученых, разрабатывающих исследовательское направление, основанное на изучении истории демонологической лексики осетинского языка на широкой сравнительно-исторической базе (Абаев, 1989, с. 104), а также исследованиях семантики мифологической лексики осетинского языка в культурно-историческом контексте (Моргоева, 2014).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов данной работы при проведении научных изысканий по лексикологии осетинского языка, сравнительно-сопоставительному языкознанию и лингвокультурологии, а также при изучении осетинской мифологии. Полученные данные могут оказать практическую помощь и переводчикам мифологических текстов с осетинского языка на русский.

Обсуждение и результаты

Осетинский язык, распространенный по обе стороны гор Центрального Кавказа, относится к северо-восточной подгруппе иранской группы индоевропейской семьи языков. Несмотря на свою принадлежность к иранской языковой группе, осетинский язык обладает рядом особенностей, ставящих его на особое место среди иранских языков.

Анализ фонетических особенностей осетинского языка выявляет уникальные звуковые структуры, отличающие его от других иранских языков. Например, присутствие так называемых «кавказских» смычно-взрывных фонем может быть выделено в сравнении с фонетикой других иранских языков, таких как фарси, пашто или курдский.

Морфологический и синтаксический анализ являются ключевыми элементами изучения осетинского языка. Отличительные черты в структуре слов и предложений, такие как особенности грамматических категорий,

порядок слов и образование предложений, могут предоставить ценную информацию о лингвистической уникальности осетинского языка среди иранских языков.

Необходимо также учитывать исторические и культурные контексты, влияющие на развитие осетинского языка. Взаимодействие с другими языками, исторические события и культурные особенности региона не могли не повлиять на формирование лингвистических черт осетинского языка.

Исследование лексического состава осетинского языка выявляет особенности в лексике, которые отличают его от других иранских языков. Этот аспект анализа может включать в себя заимствования из других языков, архаизмов, а также уникальных лексических единиц, сформированных вследствие развития религиозно-мифологических воззрений.

В контексте религиозно-мифологических воззрений в осетинском языке сформировалась определенная демонологическая лексика.

Демонологическая лексика – это термины, слова и выражения, относящиеся к демонам, дьяволу, злым духам и другим связанным с ними понятиям в различных религиозно-мифологических системах. Эта лексика используется для обозначения аспектов, связанных с демонологией, и является часто используемым элементом не только в фольклорных текстах, художественной литературе или искусстве, но и в бытовой речи для более экспрессивного и образного выражения своих мыслей.

Значение демонологической лексики в языке не ограничивается только художественным или ритуальным использованием. Она также отражает особенности мышления, верований и культурных ценностей народа, которому принадлежит язык. Конкретные термины и их значения часто имеют глубокий символический и метафорический смысл, который сложно передать в других языках или культурах.

Демонологическая лексика в осетинском языке формировалась под влиянием различных религиозных, культурных и социальных систем: на древнейший пласт наслаивались последующие пласты, и процесс этот восходит к древнеиранской эпохе, о чем свидетельствует сравнительный анализ зороастрийской и осетинской мифологии (Сатцаев, 2008, с. 24). В. И. Абаев (1990, с. 104) обратил внимание на присутствие в осетинских религиозно-мифологических воззрениях осетин древнеиранских и даже древнеиндоевропейских элементов (при этом ничего зороастрийского не сохранилось) и указал на многие авестийско-осетинские параллели, которые, по его предположению, восходят к дозороастрийским временам. На основе реконструкции религиозно-мифологических воззрений ираноязычных кочевников А. А. Туаллагов (2001, с. 245) возводит осетинскую мифологию к древней общеиранской системе. Французский исследователь нартского эпоса осетин разглядел в образе эпических героев «тени скифских богов» (Дюмезиль, 1976, с. 17).

В отличие от остальных иранских народов формирование осетинской мифологии пошло обособленными путями. При общности культовой терминологии и ярко выраженных рефлексах общеиндоевропейских представлений, по мнению И. С. Брагинского и А. А. Лелекова (1991, с. 560), идеологические основы всех этих циклов заметно различались, отражая разницу в уровнях социально-экономического и культурного развития.

Следующий пласт в мифотворчестве осетин восходит к христианскому влиянию. Осетины, входившие в образовавшийся на Северном Кавказе аланский союз, оказались в орбите проникшего в среду алан христианства в конце X века (Кузнецов, 1992, с. 102-122). В результате христианской экспансии на старые верования, по мнению В. И. Абаева, «наложился мощный слой христианской терминологии и обрядности» (1990, с. 104). В то же время Б. А. Калоев (1971, с. 283) приходит к выводу, что праздники, перенявшие христианскую терминологию, по своему содержанию и происхождению не имеют отношения к христианству, приняв только внешний облик новой веры.

Если влияние христианства на мифологию осетин длилось с X по XX век, то ислам стал проникать в Осетию в конце XVII – начале XVIII вв., окончательно утвердившись среди части населения лишь в первой половине XIX столетия, однако оставив заметный след в мифологии осетин (Таказов, 2007, с. 133).

Помимо христианства и мусульманства на эволюцию осетинской мифологии на протяжении почти двух тысяч лет огромное влияние оказывала мифология народов Кавказа. Из кавказской мифологии идет, к примеру, осетинский мифологический персонаж *лагсирд*, т. е. «человек-зверь», «саблегрудый» лесной демонологический персонаж, распространенный почти у всех народов Кавказа.

Безусловно, демонология осетин в своей основе сохранила праиндоевропейскую и древнеиранскую традицию, однако христианство, ислам и кавказская демонология оставили заметный след, отразившийся не только в сюжетах и мотивах, но и в демонологической лексике осетин.

Некоторые аспекты демонологической лексики осетинского языка становились объектом исследований. Так, например, в исследовании формул-оберегов как особых типов устойчивых выражений Л. Б. Моргоева (2014) затрагивает использование лексических единиц, отражающих названия сакральных персонажей осетинской мифологии. Демонологическую лексику рассматривал в своих работах и В. И. Абаев (1958), прежде всего в контексте их этимологического разбора. Он также довольно подробно останавливается на анализе некоторых имен сакральных персонажей из осетинской демонологии (*Авдеу*, *Уайуг*) (Абаев, 1962, с. 445).

Перечень лексических единиц в осетинском языке, отражающих имена демонологических персонажей, богат и многообразен. Некоторые образы были заимствованы из христианства и ислама вместе с именами, некоторые же восходят к собственно осетинской мифологической системе. Однако и те и другие подверглись трансформации и стали восприниматься частью национальной религиозно-мифологической системы, что прослеживается и в их употреблении в языке.

Все существа, олицетворяющие силы зла, в осетинской демонологии объединяются терминами *дæлимонтæ* (далимонты) (в иронском диалекте осетинского языка) и *дæлуймонтæ* (в дигорском диалекте осетинского

языка). Согласно В. И. Абаеву (1958, с. 354), «далимон» происходит от двух слов – *даэл* / «нижний» и *мон* / «дух», буквально значит «нижний дух».

Далимоны противопоставляются *уалимонам* (букв. «верхние духи»). В разряд *далимонов* входят силы зла, обитающие, по верованиям осетин, под землей, в нижнем мире: *хэйрæг* (хайраг) / «чёрт», *сайтан* / «чёрт», *иблиц* / «дьявол», *дзинтæ* (дзинта) / «джинны, бесы», *кадзи* / «бесы», *æвдеу* (авдеу) / «чудище, нечисть», *уэйуг* (уэйуг) / «великан».

В осетинском языке лексема «далимон» может использоваться как в качестве имени самостоятельного персонажа, так и в качестве определения принадлежности к силам зла.

Нарты Сырдон уыд куырысмæдзæуæг, зинтæ æмæ далимонтиæ цæрæг, стæй уыд уацхуыдхæссæг зæххæй уæларвмæ (Нартовские сказания..., 2005, с. 155). / «Нарт Сирдон был колдуном, сожителем джинов и далимонов, да еще был вестником между землей и небом (здесь и далее – перевод автора статьи, если не указано иное. – Ф. Т.)».

В приведенном примере «далимон» имеет самостоятельный статус, наравне с другими представителями демонических сил.

Созырыхъо далимонтиæ сбыцæу ис (Нартовские сказания..., 2005, с. 155). / «Созрыко столкнулся с далимонами».

Сырдон талынг тыхтимæ, далимонтиæ баст кæй у, уымæн æвдисæн – ацы минуæг: йæ бон у алцы фестын æмæ æндæр хуызы бацæуын (Нартовские сказания..., 2005, с. 626). / «Свидетельство тому, что Сирдон связан с темными силами, с далимонами, – данная характеристика: он способен превратиться во что угодно и принять какой угодно вид».

В данных же примерах под «далимонами» в обоих предложениях подразумеваются «бесы» как совокупность демонических сил.

Если «далимон» перечисляется наряду с другими нечистыми, демоническими персонажами, то вербализующий, как правило, подразумевает конкретный бесовский образ, персонаж.

Часто «далимон» используется как синоним *хайраг* / «чёрта». Яркий пример тому – рассказ о бедняке и чёрте. Он начинается с подарка чёрта одному бедняку:

Иухатт хэйрæг мæгуыр лæгæн радта цалдæр сæггы (Рассказы о чертях..., 2011, с. 150). / «Однажды чёрт подарил бедняку несколько коз».

В следующем же предложении вместо «чёрта» употребляется «далимон»:

Лæг фембæрста, ацы далимон та мæ сайгæ кæны (Рассказы о чертях..., 2011, с. 150). / «Мужик сообразил, что этот далимон (чёрт) опять хочет его обмануть».

Такая замена происходит не только в фольклорных или литературных произведениях, но и в разговорной речи. Взаимозаменяемости слов «далимон» – «бес» и «хайраг» – «чёрт» способствует, видимо, близость их образов. И далимоны, и черти в верованиях осетин наделены одинаково сверхъестественными способностями, враждебными человеку, хотя облик, речь и действия их вполне человеческие. Чертей, как и далимонов, иногда наделяют положительными качествами: те могут испытывать чувство благодарности и выступать в роли помощника и союзника человека. От людей же далимоны и черти отличаются тем, что пятки у них повернуты вперед, из-за чего их называли *фæстæмæкхæджынтæ* (букв. «с назад повернутыми ногами»).

Одним из самых распространенных образов из рода далимонов является *хэйрæг/сайтан*, т. е. «чёрт».

Название *хэйрæг* (хайраг), как и далимон, восходит к древнеиранскому языку, производное от *x-ahraka* – *˚æjraeg* / «злой» (Абаев, 1989, с. 163).

Слово *сайтан* / «чёрт», используемое в основном в дигорском диалекте осетинского языка, восходит к арабскому *шайтан* / «чёрт». Однако употребление в языке обеих форм – *хайраг/сайтан* – равнозначно.

В разговорной речи осетины избегают употреблять имя чёрта, в результате чего в языке появились эвфемизмы, которыми обозначают, впрочем, не только чёрта, но и далимона: *фæстæмæкхæджын/фæстæмæкхæгун* (букв. «с назад повернутыми ногами»), *зæвæтджын/зæвæтгун* (букв. «с пятками», имея в виду перевёрнутые пятки), *æнæзæггынаг/æнæзæггуйнаг* (букв. «непроизносимое, что нельзя произносить»).

В то же время в осетинском языке употребляется немало слов, производных от *хайраг/сайтан*:

- *хэйрæггонд* (хайраггонд) – так говорят про одержимого человека;
- *хэйрæгджын/хэйрæггун* (харагджын/хайраггун) – так говорят про бесноватого или хитрого, неуловимого человека;

- *хэйрæгдзинад* (хайрагдзинад) – образованный с помощью суффикса *-дзинад*, придающего имени абстрактное значение, выражает понятие «чертовщина».

В дигорском диалекте осетинского языка от варианта имени чёрта – *сайтан* – также образуются различные понятия:

- *сайтангун* / «бесовской, чертовский, хитрый, одержимый, вещий»;
- *сайтандзийнадæ* / «чертовщина, бесовщина»;
- *сайтани фат* (букв. «стрела чёрта») – так говорят о внезапно появившемся человеке;
- *сайтани къах* (букв. «нога чёрта») – о бесшумно ступающем человеке.

Определенные черты чёрта придают и птицам; в основе их названий – тот же *сайтан*:

- *сайтангарк* (букв. «чертовская курица») / удод;
- *сайтанцъеу* (букв. «чертовская птица») / трясогузка.

В охотничьем языке осетин использовался эвфемизм для туров и диких зверей – сложное слово *сайтансирд* (букв. «чертовский зверь»):

Сайтансирди фæдбæл куд цурд адтæй (Таказов, 2015, с. 501). / «(В погоне) за туром каким он быстрым был».

Черти, по поверьям осетин, хотя и разговаривают на осетинском языке, однако делают это на своем жаргоне. Так, например, вместо *хур аныгуылд* / «солнце зашло» говорят – *хор агургур*.

Если *хор* соответствует значению солнца в дигорском диалекте, то не представляется однозначно определить значение или происхождение слова *агургур*. Скорее всего, начальная *а* – глагольная приставка, придающая глаголу значение перемещения, движения. Оставшаяся же часть – *гургур* – по созвучию *аныгуылд* / «зашло» есть удвоение глагола *гуырын* / «скатываться» (в таком случае слово *агургур* будет означать «закатившееся»).

Черти, обитающие под землей, нередко выходят на поверхность земли, к людям. Соответственно, через определенные места, называемые *цæрдздой дурттæ* (букв. «двери ада»), *цæрдздойдзæуæн* (букв. «место прохода в потусторонний мир»), *сечы лæгæт* / *секи лæгæт* / «пещера сечи/секи». В последнем примере семантика слова *сечы/секи* (сечи/секи) неизвестна.

Следующий персонаж из рода далимонов – *иблси* / «дьявол» – заимствован из мусульманской традиции. Образ иблси размыт и менее определен, потому осмысливается через христианский или исламский контекст.

Имя дьявола, используемое как синоним зла и негатива, часто встречается в разговорной форме языка. Его употребление может быть как метафорой для описания чего-то крайне отрицательного, так и в контексте убеждений и религиозной символики. В то же время в современном языке его употребление может быть скорее шутливым или метафорическим и не обязательно связано с религиозным контекстом.

Выражение *иблси хай* / «доля дьявола» часто используется в отношении человека, оказавшего негативное воздействие на кого-либо при случайной с ним встрече. В таких случаях обычно говорят:

Мæ иблси хай мыл амбæлд. / «Я встретил свою долю дьявола».

От *иблси* с помощью слова *фыд/фуд* / «зло» были образованы новые понятия:

– *фыдбылыз/фидбилиз* / «беда, несчастье, зло» (*фыдбылыз аразын* / «совершать зло»; *фыдбылыз хæссын* / «приносить несчастье»);

– *фыдбылызгæнæг* / «злоумышленник»;

– *фыдбылызджын* / «несчастный, приносящий несчастье»;

– *фидголæн* / частица, выражающая предупреждение: «не дай Бог!», «горе тебе!» (*Дæ фидголæн æма не 'рбацудтæ!* / «не дай Бог ты не придешь!»).

Представления о джиннах у осетин еще более расплывчаты, потому, видимо, джинны всегда упоминаются вместе с далимонами и хайрагами.

Кадзи / «бесы» упоминаются в нартовском эпосе осетин: они имеют свой город (*Къадзиты калак*), у них есть и своя Шатана (*Къадзиты Шатанæ*) (Нартовские сказания..., 2005, с. 152). Однако в разговорной речи их имя никогда не используется.

В осетинской мифологии не встречается образ *æвдеу* / «чудище, нечисть», хотя часто используется как в разговорной речи, так и в литературе и поговорках.

Когда хотят подчеркнуть безобразный, уродливый вид кого-то, то говорят: *кæдзос æвдеу* (букв. «чистый авдеу, чистое чудище»), т. е. «копия чудища».

Осетинская поговорка утверждает:

Æнахур æвдеуæй ахур æвдеу хуæздæр æй. / «Лучше ученое чудище, чем неученое».

Хотя по тексту поговорки не вытекает, что *авдеу* имеет какое-либо отношение к демонической природе, однако фольклорные тексты подтверждают его бесовскую природу:

Уæхуæдтæ дæр æвдеутæ, уæ цирæгътæ дæр сайтæнттæ (Книга для чтения..., 1933, с. 16). / «И сами вы авдеуы, и ваши лампы черти».

Демоническая природа авдеуа продемонстрирована и в поэме Блашка Гурджибети «Зачарованная красавица»:

Идард еу æвдеу, дæлзæнхаг,

Мæ фудæй æ зæруа нæ мæлуи,

Хъæртуй дæндаг, æдæуагæ (1966, с. 84). /

«Вдали один авдеу, родом из-под земли

Из-за меня в старости не умирает;

Через его дух ко мне

Идет порча, несомненно».

Демоничность авдеуа подчеркивает и характеристика, которую ему дает поэт: «живот – бурдюк», «губы – в засохших складках», «ногти – тяпки», «уши – на затылки», «весь он – кошмар».

Не сомневается в демоничности авдеуа и И. В. Мамиева, проанализировавшая поэму Б. Гурджибети: «В облике персонажа все свидетельствует о принадлежности к сфере зла. Маркером нижнего мира выступает не только “кошмарная” внешность Авдеуа, а и упомянутый выше пространственный локус и специфика событийной темпоральности – вечер, сумерки, разнузданное гульбище и его участники: звери, птицы, рабыни-наложницы в карнавальном шествии-симде; здесь же – колдунья, танцующая в паре с буркудзау (соучастником шабаша ведьм), и пустившийся в пляс весь вещный мир: столы и стулья, горящие уголья и свистки, тарелки, корзины и корыта» (2019, с. 114).

В. Ф. Миллер предполагал, что *æвдеу* восходит к древнеиранскому *ap-* / «вода» и *daiva* / «демон» и означает «водяной демон, дух» (Цит. по: Абаев, 1958, с. 167). В. И. Абаев (1949, с. 200) засомневался в верности такой трактовки и предположил, что *æвдеу* происходит от *hafta* / «семь» и *daiva* / «бог (демон)», т. е. «семь богов (демонов)».

В ряду демонологических существ наибольшую популярность приобрел образ *уайуга*. *Уайуг* / «великан» встречается в сказках, мифах, произведениях несказочной прозы, так называемых *таурагах* / «легендах», а также в эпических сказаниях о Нартах, Даредзанах и Царциатах.

Демонологическую природу *уайугов* демонстрируют сказки, в которых *уайуг* и *хайраг* / «чёрт» действуют как идентичные или родственные существа.

По эсхатологическим представлениям осетин, *уайуг* выполняет функции стража царства мертвых.

В то же время в бытовой, разговорной речи *уайуг* используется не столько для характеристики отрицательных качеств кого-либо, сколько в качестве показателя его недюжинной силы.

Употребление демонологических терминов, таких как *далимон*, *хайраг*, *иблис*, *уайуг*, показывает, как осетинская мифология и религиозные традиции влияют на язык, формируя его выразительность и глубину. Влияние различных культур и религий, таких как христианство и ислам, а также соседних кавказских народов, обогащает осетинский язык новыми значениями и образами, что делает его динамичным и живым. Фонетические, морфологические и синтаксические особенности языка при использовании демонологической лексики создают яркую картину языковых образов. Использование демонологической лексики в языке служит не только средством художественной выразительности, но еще является важным носителем культуры, истории и мировоззрения осетинского народа, отражая его отношения с окружающим миром и духовной реальностью.

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что демонологическая лексика в осетинском языке не ограничивается перечисленными выше демоническими персонажами и образами. Одним из ключевых аспектов демонологической лексики осетинского языка является богатство и разнообразие названий, относящихся к низшей мифологии. Однако приведенные примеры позволяют понять не только осетинскую мифологию в целом, но и богатство языковых символов. Изучение демонологической лексики осетинского языка раскрывает семантику отдельных слов, словосочетаний и фразеологизмов.

В осетинской демонологии все существа, олицетворяющие силы зла, объединяются под термином *далимонтæ*. Одним из наиболее распространенных образов из числа *далимонов* является *хайраг* или *сайтан*, что означает «чёрт». Перечень демонологической лексики, подвергшейся анализу, включает часто упоминаемые в фольклорных и художественных произведениях, а также в разговорной речи названия таких демонических существ, как *иблис* / «дьявол», *зин* / «джинн», *кадзи* / «бесы», *авдеу* / «чудище», *уайуг* / «великан». Исследование этой лексики раскрывает богатство языковых символов и их использование в различных сферах, включая религиозные представления, литературу, фольклор и повседневную разговорную речь.

В результате взаимовлияния образов осетинских *далимонов* и христианских (исламских) *хайрагов* (*сайтанов*) произошло их сближение, и в языке они стали употребляться как синонимы. Помимо обозначения мифологических образов, демонологическая лексика в речевых конструкциях стала использовать производные от *хайраг* и *сайтан* слова: *хæйрæггонд* / «одержимый» (букв. от *хæйрæг* / «чёрт» + *гонд* / «сделанный»); *хæйрæггун* / «бесноватый», «хитрый» (букв. от *хæйрæг* / «чёрт» + *гун* / суффикс, указывающий на наделение каким-либо качеством); *сайтани фат* / говорят о внезапно появившемся человеке (букв. от *сайтан* / «чёрт» + *фат* / «стрела»); *сайтани къах* / говорят о бесшумно ступающем человеке (букв. от *сайтан* / «чёрт» + *къах* / «нога») и т. д.

Термины, обозначающие демонологических персонажей, не только используются в контексте религиозно-мифологической символики, но и могут выступать в разговорной речи в качестве метафоры для описания чего-то крайне негативного.

Как показывает анализ, демонологическая лексика используется не только в сфере религиозно-мифологических воззрений, литературных и фольклорных произведениях, но и в бытовом, разговорном языке как символ или метафора, отражая богатство языковых выражений и их значений.

Изучение особенностей использования демонологической лексики не только расширяет наши знания о внутренней дивергенции языковой семьи, но также вносит вклад в общее понимание лексического разнообразия осетинского языка, что актуализирует дальнейшие исследования, которые позволят выявить общие культурные и языковые черты с народами Кавказа.

Исследование предоставляет новые перспективы для дальнейших изысканий в области лексикологии осетинского языка. Кроме того, основные положения работы могут быть применены при разработке специальных курсов по языкознанию, мифологии, этнологии и религиоведению для студентов гуманитарных факультетов вузов.

Источники | References

1. Абаев В. И. Дохристианская религия алан // Абаев В. И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература. Владикавказ: Ир, 1990.
2. Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов // Древний мир: сборник статей. М.: Наука, 1962.
3. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л.: Академия наук СССР, 1949. Т. 1.
4. Брагинский И. С., Лелеков А. А. Иранская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. М., 1991. Т. 1.

5. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
6. Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1971.
7. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992.
8. Мамиева И. В. Архаический пласт в сюжете поэмы «Сахи рæсугъд» Б. Гуржибекова // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2019. № 31 (70).
9. Моргоева Л. Б. Формулы-обереги как особый тип устойчивых выражений // Фундаментальные исследования. 2014. № 9.
10. Сатцаев Э. Б. Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2008.
11. Таказов Ф. М. Ислам в системе традиционной культуры осетин (XVIII – начало XX вв.). Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, 2007.
12. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 2001.

Информация об авторах | Author information

RU**Таказов Федар Магометович**¹, д. филол. н.¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук**EN****Fedar Magometovich Takazov**¹, Dr¹ North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V. I. Abaev – branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences¹ fedar@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.10.2024; опубликовано online (published online): 25.11.2024.

Ключевые слова (keywords): осетинский язык; демонологическая лексика; низшая мифология; характеристика демонологического образа; Ossetian language; demonological lexicon; lower mythology; characteristics of the demonological image.